

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ

Дружинин Р.А.

¹ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», Волгоград, Россия (400062, Волгоград, проспект Университетский, 100), e-mail: aircanada15@yandex.ru

В статье в рамках историко-правового и философского аспектов исследуются особенности субъективных признаков преступления. На основе изучения диалектики субъекта и объекта, объективного и субъективного в познании автором определяется сущность субъективных признаков преступления. Делается вывод о том, что преступные действия (бездействие) человека представляют собой некую систему, в основе которой лежит и объективное, и субъективное, выступающие в единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности. В процессе рассмотрения автором основных стадий развития учения о составе преступления определено, что на момент введения в русскую научную литературу немецкого термина «tatbestand» («состав преступления») в германской доктрине уголовного права параллельно сосуществовали две отличающиеся друг от друга теории состава преступления: теория, основанная на кантовской философии, и теория, получившая свое происхождение из философии гегельянской. При этом воззрения Гегеля оказали наибольшее влияние на развитие учения о составе преступления в отечественной доктрине, который у российских ученых, как правило, трактовался с точки зрения совокупности субъективных и объективных признаков преступления. Дано определение понятия «субъективные признаки состава преступления», обращено внимание на недопустимость отказа в теории от признания элементами состава преступления объекта последнего и субъекта, а равно на важность достижения соответствия описания в законе субъективных признаков преступного посягательства нормативному определению его объективных признаков.

Ключевые слова: субъективные признаки состава преступления, диалектика субъективного и объективного, состав преступления

THE ISSUE ABOUT DEFINITION OF SUBJECTIVE ELEMENTS OF A CRIME: HISTORICAL AND LEGAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Druzhinin R.A.

¹Volgograd State University, Volgograd, Russia (400062, Volgograd, Prospekt Universitetskiy, 100), e-mail: aircanada15@yandex.ru

In the article particularly subjective evidence of a crime are studied in the historical, legal and philosophical framework aspects. The author defines the essence of the subjective elements of a crime on the basic knowledge of the dialectic of subject and object, subjective and objective evidence. The conclusion is that the criminal actions (inaction) of a person is a kind of system, which is based on objective and subjective, acting in unity, interrelation and interdependence. The author found that at the time of the introduction of Russian scientific literature of the German term «tatbestand» («the offense») in the German criminal law doctrine in parallel there were two differing theories of a crime. It was a theory based on the Kantian philosophy, and theory got its origin from the Hegelian philosophy. Thus, Hegel's vision had the greatest influence on the development of the doctrine of corpus delicti in the domestic doctrine that Russian scientists usually interpreted in terms of the combination of subjective and objective evidence of a crime. In the article get the definition of the concept of «subjective elements of a crime». The author focuses attention to the importance of the corresponding description in the law of subjective elements of a crime regulatory definition of its objective evidence.

Keywords: the subjective elements of a crime, dialectic of subjective and objective, corpus delicti

На сегодняшний день существует немало научных работ, посвященных исследованию субъективных признаков состава преступления. При этом, уделяя должное внимание изучению их видов (признакам субъективной стороны и субъекта преступления), ученые не затрагивают вопрос относительно понятия и сущности самой категории «субъективные признаки состава преступления».

Попытаемся разобраться с данной категорией с помощью общих понятий «признак состава преступления» и «субъективность».

Так, в работе Л.Л. Кругликова и А.В. Васильевского признаки состава преступления определяются как «закрепленные в уголовном законе обстоятельства, определяющие характер и типовую степень общественной опасности деяния, законодательная оценка вида поведения». [8] Это позволяет нам рассуждать о признаках состава преступления как об обстоятельствах, необходимых для обоснования уголовной ответственности либо вообще, либо за преступление определенного вида (признаки основного состава), разновидности (признаки квалифицированного и привилегированного составов).

Что же касается категории «субъективности», то она, на наш взгляд, фактически ограничивает в данном случае сферу проявления отличительных особенностей того или иного преступления (признаков), вводя ее в плоскость субъективной реальности.

Во внутреннем строении субъективной реальности в научной литературе выделяются два ее основных начала, называемых как «Я» и «не-Я», образующих единство двух противоположностей. «Я» показывает принадлежность субъективной реальности конкретному лицу, «не-Я» показывает конкретное содержательное поле, являющееся отражением определенных явлений действительности, выходящих за пределы «Я» [5].

Таким образом, для определения сущности субъективных признаков преступления большое значение приобретает соотношение категории «Я» (субъективного) и «не-Я» (объективного). Так, их взаимодействие, а также диалектика субъекта и объекта в познании относятся к наиболее острым проблемам, волновавшим мыслителей различных эпох.

Например, заслугой античных философов является то, что они заложили основы проблематики субъекта и объекта, а также пробудили к ней интерес всех последующих исторических эпох. Обращают на себя внимание, например, утверждение Платона о необходимости преодоления субъективных моментов знания в определении истинной сущности объекта познания, а также не потерявшая своей актуальности и в наши дни его идея о важности выявления и определения таких сторон объекта, которые не зависят от концептуальной позиции субъекта, являясь объективными. В своем учении Платон выделял влияние объекта на восприятие субъекта, сравнивая последнего с «воском, а объект с печатью, отпечатывающейся на воске».

Несколько иной характер имела проблема субъекта и объекта в философии Аристотеля. Субъектом познания он называл отдельного индивида, наделенного душой и разумом, а объектом познания — чувственные вещи и их сущности. Аристотель полагал, что в процессе познания субъект потенциально уподобляется объекту, т.е. воспринимает его данное, не зависящее от творческой деятельности субъекта [2].

Дальнейшее развитие проблема соотношения субъекта и объекта получила в философии Нового времени (в XVII—XVIII вв.). В указанный период ученые рельефно отграничивали субъект от объекта. Например, Рене Декарт считал достоверной лишь мысль субъекта о собственном существовании. При этом философ подвергал сомнению возможность проникновения в сущность объекта, а иногда и вовсе возможность его существования. Декарт, отделяя материальную субстанцию от духовной, впервые в истории философской мысли утвердил положение о том, что «объективная ценность знания гарантируется только деятельностью разума, рационалистической критикой, интеллектуальной интуицией» [4].

Вместе с тем идеи Декарта разделяли не все философы и, в частности, они были серьезно раскритикованы нидерландским философом-рационалистом Бенедиктом Спинозой. Он утверждал, что вещь (объективное) и мысль о вещи (субъективное) представляют собой состояния единой субстанции – материи [12].

Коренной переворот в постановке и решении проблем соотношения субъекта и объекта, в дальнейшем оказавший существенное влияние на развитие учения о составе преступления, был осуществлен родоначальником немецкой классической философии Иммануилом Кантом. Так, если ранее познавательное отношение субъекта и объекта трактовалось как их внешнее противостояние, в котором объект познания предъявляет субъекту свое содержание, а последний благодаря имеющимся у него психологическим способностям воспринимает это содержание и фиксирует его в виде знания, характеризующего объект «каков он есть сам по себе», то Кант, с одной стороны, категорично отделял объективное от субъективного (когда речь идет об отношении субъекта к объекту действительности), а с другой — вскрывал их тесную взаимосвязь (когда дело касается отношения субъекта к объекту познания).

Жесткое противопоставление явления и вещи в себе лишило Канта возможности выявить действительную диалектику взаимодействия субъекта с объективным миром.

Снять отчуждение между субъектом и объектом сумел Г.В.Ф. Гегель. В рамках концепции саморазвития мирового Абсолютного Духа, который является причиной и одновременно целью бытия и познания, Гегель показал, что субъект и объект тождественны друг другу. Ученым было сформулировано диалектическое понимание внутреннего и внешнего на основе категорий явления и сущности. Так, Гегель возражал тем авторам, которые рассматривали сущность лишь как нечто внутреннее, выдвигая идею взаимопереходов внутреннего и внешнего, их взаимопроникновения [3].

Всякий человек, воспринимающий и оценивающий мир посредством своего сознания, есть субъект. Иными словами, субъектом является мыслящий человек. Все, что

находится вне сознания субъекта, есть объект, в том числе и другие люди. Напротив, объективным по отношению к субъекту выступает все то, что находится вне его сознания и не зависит от него. Следовательно, субъективным может быть только сознание человека и плоды этого сознания в различных формах их проявления. Объективным же, по отношению к субъекту, выступает весь остальной мир, вместе с атрибутами, формами и законами его существования и в любых его проявлениях.

Как отмечает С.Ю. Иванов, категории «субъективное» и «объективное» являются парными категориями [6], взаимно корреспондирующими друг другу. При этом они могут использоваться в самых различных значениях.

Так, во-первых, «субъективное» может выступать как то, что принадлежит субъекту, а «объективное» — как то, что принадлежит объекту. При таком понимании в определение «объективного» может включаться как материальное, так и идеальное, ибо объектом может выступать не только природа, но и человеческое общество, и индивид, наделенный сознанием, и даже отдельно взятые проявления человеческого сознания. А «субъективное» в таком случае может также включать как материальное, так и идеальное, ибо субъект сам имеет две стороны: и материальную, так как он является носителем познания и практического действия, и идеальную, поскольку он наделен сознанием.

Во-вторых, «субъективное» можно понимать как синоним «идеального», а «объективное» – «материального». При этом объективным считается то, что находится вне и независимо от нашего сознания: материальный мир, общество, человек как материальный носитель отражательной способности. В этом случае «антиподом» «объективного» выступает «идеальное» как то, что присуще человеческому сознанию, что включается в содержание сознания: ощущения, восприятия, представления, понятия человека, его чувства и воля, словом, все то, что существует во внутреннем идеальном мире человека, является идеальным отражением объективной действительности.

В-третьих, «субъективное» означает активность субъекта познания. А объект познания в связи с этим выступает как нечто пассивное, противодействующее стремлению субъекта получить адекватное, полное знание об объекте. Стремление субъекта построить объективную (полную, точную) систему знания об объекте и «составляет сущность диалектики субъективного и объективного в процессе познания» [6].

Исходя из изложенного, можно констатировать, что действия человека представляют собой некую систему, в основе которой лежит и объективное, и субъективное, выступающие в единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности. Преступные действия (бездействие) в этом отношении не составляют исключения.

Например, объективные признаки преступления могут содержать субъективные элементы, которые связаны, например, с потерпевшим или другими людьми. При этом внешние свойства преступных действий представляют собой не только необходимые условия познания субъективных признаков преступления, но и факторы, напрямую оказывающие влияние на характер и протекание мотивации, принятие решения и исполнение его лицом, виновным в совершении преступления.

Кроме того, и сознание человека, совершившего преступление, является не только субъективным, но и в некотором роде объективным. В частности, как отмечает А.И. Плотников, «являясь онтологически (содержательно) субъективным, оно в то же время гносеологически (познавательное) объективно даже в пределах самого деяния» [10].

Заметим, что вышеизложенные философские воззрения оказали сильное влияние на уголовное законодательство и уголовно-правовую доктрину. В частности, серьезному воздействию философской мысли подверглось учение о составе преступления, с развитием которого можно проследить и эволюцию того значения, которое отводили в нем субъективным признакам преступления.

Так, первые упоминания о составе преступления датированы 1581 г. Тогда итальянский юрист Проспер Фаринациус впервые для обозначения доказанных преступных фактов использовал термин «*corpusedelicti*» (тело деяния). Указанная категория в Германии применялась в процедуре общего розыска исключительно в процессуальном смысле. Ей обозначали различные внешние следы преступления (например, орудия и средства совершения преступления).

Лишь в конце XVIII – начале XIX столетия анализируемый термин был переведен немецким ученым Кляйном (Klein) как «*tatbestand*» и использован в значении совокупности необходимых объективных признаков преступления. При этом весьма долгое время из учения о «*tatbestand*» исключали учение о субъективных условиях виновности. Иными словами, вопрос о вине, субъективных (внутренних) признаках совершенного деяния не охватывался учением о составе преступления. В последующем в трудах германских теоретиков уголовного права субъективный элемент преступления приобретает форму самостоятельного «субъективного» состава преступления наряду с «объективным» составом.

Вместе с тем с усилением общественного воздействия учения Гегеля его правовые идеи начали оказывать существенное значение на теорию «*tatbestand*». Под влиянием идеи Гегеля о том, что поступок человека отражает единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, немецкие ученые в своих работах рассматривали преступление как органическое целое его внутренней и внешней стороны, его субъективных и объективных признаков.

Следствием этого стало то, что с течением времени некоторые немецкие ученые стали трактовать содержание «tatbestand» более широко, включая в него не только объективные, но и субъективные признаки преступного деяния. Например, немецкий криминалист, последователь гегелевской философии А.Ф. Бернер, признавая единство объективного и субъективного, включал в состав категории «tatbestand» действие, бездействие, а также вину лица [7].

В дальнейшем германские ученые и вовсе отводят субъективной составляющей состава преступления главенствующую роль.

В российскую научную литературу термин «tatbestand», переведенный на русский язык как «состав преступления», был введен в середине XIX в. Такое заимствование было связано с сильнейшим воздействием различных направлений германской общественной мысли на русскую философию и право.

При этом воззрения Гегеля оказали наибольшее влияние на развитие учения о составе преступления в отечественной доктрине, который у российских ученых, как правило, трактовался с точки зрения совокупности субъективных и объективных признаков преступления.

Так, анализируя труды германских ученых, отечественный юрист В.Д. Спасович отмечал, что «совмещая в себе и внешнюю объективную, и внутреннюю субъективную сторону преступления», *corpus delicti* стал обозначать «совокупность всех признаков, содержащихся в понятии преступления» [11].

Субъективные и объективные элементы различал в деянии также П.И. Люблинский. «Первые, — писал он, — характеризуют деяние как акт воли... Вторые обрисовывают деяние как акт внешнего мира» [9].

В настоящее время в российской юридической литературе господствующим является взгляд на состав преступления как определенную систему, состоящую из четырех в равной степени необходимых элементов: того, на что оно направлено (объект преступления), внешнего выражения посягательства (объективная сторона преступления), лица, которое совершило это деяние, наделенного определенными качествами (субъект преступления), и психической деятельности (активности) лица, непосредственно связанной с совершением преступления (субъективная сторона преступления). Данные элементы выделяются по той простой причине, что они есть в каждом преступлении, независимо от их различия по характеру и степени общественной опасности. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов означает, что отсутствует и само преступление.

Наряду с этим в литературе имеются и представления о трехзвенной и двухзвенной структурах состава преступления. Так, в доктрине уголовного права уже высказывались

мнения об исключении из элементов состава преступления признаков его объекта и субъекта [подробнее об этом см.:1].

Между тем необходимо отметить, что лишь четырехзвенная структура состава преступления показывает диалектическую связь, которая существует между субъектом и объектом и проходит через деяние, характеризуемое как объективной, так и субъективной сторонами. Такая связь выражается в том, что свойства объекта и объективной стороны отражаются в субъективной стороне, а признаки субъекта зависят и от объекта преступления, и от его объективной стороны.

Исключение же из элементов состава преступления признаков его объекта и субъекта является в корне неверным, противоречащим диалектике объективного и субъективного в явлении. Фактически это становится предпосылкой рассмотрения общественно опасного деяния в отрыве от лица, его совершившего, или от общественных отношений, которым этим деянием причиняется вред. В случае же, если эти признаки, являющиеся обязательными для привлечения лица к уголовной ответственности, окажутся за рамками состава преступления, правоприменителю будет затруднительно принять верное решение в вопросе обоснования уголовной ответственности за то или иное преступление.

Само преступное деяние представляет собой взаимодействие человека со средой, и прежде всего негативное воздействие субъекта, наделенного сознанием и волей, на определенный объект. При конструировании составов преступлений законодатель должен учитывать это взаимодействие, не допуская несоответствия между описанием объективных и субъективных признаков преступного посягательства.

Проведенные историко-правовой и философский анализ, а равно выработанные наукой уголовного права определения таких элементов состава преступления, как его субъект и субъективная сторона, позволяют нам утверждать следующее.

Субъективные признаки состава преступления – собирательное понятие, объединяющее необходимые для обоснования уголовной ответственности (вообще или за преступление определенного вида, разновидности) существенные, упорядоченные соответствующим образом свойства самого физического лица, совершающего общественно опасное деяние, и его психической активности, непосредственно связанной с совершением данного деяния, а равно причиняемыми таковым общественно опасными последствиями, находящиеся в диалектическом единстве не только друг с другом, но и с обособленными от них посредством абстрактного мышления признаками, характеризующими внешнюю сторону общественно опасного посягательства, а равно общественными отношениями, которые от этого посягательства охраняются с помощью уголовного права.

Список литературы

1. Актуальные проблемы уголовного права: Курс лекций: учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов: в 3 т. / Под ред. Л.В. Лобановой. Т. 2. . — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. — С. 19.
2. Аристотель. Соч. в 4 томах. Т. 2. — М., 1978. — С. 53–56.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Соч. Т. 1.— М., 1977.— С. 233, 237.
4. Декарт Р. Избранные произведения. — М., 1950. — С. 20.
5. Дубровский Д.И. Проблема идеального. — М., 1983.— С. 79.
6. Иванов С.Ю. О диалектике субъективного и объективного в научном познании // Альманах современной науки и образования. — 2015. — № 3.— С. 37–39.
7. Комисаров В.С. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно-правовое исследование. — СПб., 2009.— С. 16.
8. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб., 2003. – С. 174.
9. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. В.А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2004. — С. 24.
10. Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении : дис.... док. юрид, наук. — М., 2012. — С. 34.
11. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1 (вып. 1). — Спб., 1863.— С. 89–90.
12. Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х томах. Т.1 — М., 1957. — С. 458

Рецензенты:

Лобанова Л.В., д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, г. Волгоград;

Давыдова М.Л., д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, г. Волгоград.